

7. Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 117.

8. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 об.

9. Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 42.

10. Сенин А. С. Российская государственность: есть только миг между прошлым и будущим // Российская государственность: история и современность. М., 1997. С. 12.

POWER AND SOCIETY IN RUSSIA AND ITS REGIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: CONDITION, TENDENCIES AND CONTRADICTION OF DEVELOPMENT.

This article deals with condition, tendencies and contradictions of power and society in Russia and its regions at the beginning of the 20th century. The analysis showed that the authoritarianism foundation of Russia was laid in the Middle Ages and became consequence of continuous struggle for the state independence.

Key words: power, authoritarianism regions, state formation, situation in regions.

Б. А. ТРЕХБРАТОВ

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ: НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И. Д. ПОПКО

Автор характеризует работы о жизни казаков известного бытописателя Кубани И. Д. Попко, анализирует новые факты из истории землевладения и землепользования на Юге России.

Ключевые слова: И. Д. Попко, история казачества, землевладение и землепользование на Кубани.

Интерес к изучению биографии автора первой печатной книги о Черноморском казачьем войске стал проявляться еще при его жизни, и был связан с изданием таких работ, как «Закубанские воры», «Плавни» «Темрюк», «Пластуны», «Исторические и географические очерки», «Любо или нелюбо, атаманы молодцы», «Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. «Гребенское войско», «Пластуны», «Черноморские пластуны в Севастополе» и, конечно же, «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту». Из них особенно отметим отзыв о его последней работе видного украинско-русского историка Н. И. Костомарова (1817–1885), написанный им по случаю 30-го присуждения Демидовских наград [1]. В целом благожелательные рецензии были написаны и на монографию И. Д. Попко о гребенских казаках [2]. После смерти воина и писателя во многих изданиях, в том числе и столичных, были опубликованы некрологи, свидетельствующие об уважении к И. Д. Попко как одному из зачинателей южно-русской провинциальной этнографии и бытописателей казачьего населения Юга России.

Высокую оценку общественной и творческой деятельности дали кубанский краевед Б. М. Городецкий [3] и ставропольский исследователь С. В. Фарфоровский [4]. Примечательно то, что в это время стал проявляться интерес краеведов к судьбе архива просвещенного генерала. В местном краеведческом издании появляется коротенькая статья В. Загорской [5], в которой содержится обзор архива И. Д. Попко. А вот в архиве Ставропольского краевого краеведческого музея имени Г. К. Праве в фонде известного общественного и культурного деятеля Ставрополя Г.

Н. Прозрителева нам удалось более 40 лет назад во время работы над кандидатской диссертацией обнаружить папку под номером 12, в которой сохранился черновик статьи Прозрителева под названием «Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива» [6]. Досюветские историки и краеведы начали основательно подходить к делу, видя, что без документов из личного архива генерала-исследователя невозможно нарисовать объективную картину его личной, военной, общественной и творческой деятельности. Такой фонд под номером 377 и был создан ставропольскими архивистами. Копиями из него, хранящимися в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), пользовалось небольшое число краснодарских ученых (Г. Н. Шевченко, А. И. Слуцкий и автор этой статьи). Значение дел из этого фонда трудно переоценить, так как в них содержится самый разнообразный материал, позволяющий ответить на многие вопросы из жизни И. Д. Попко.

По нашим подсчетам, о генерале исследователе казачьей жизни написано около 80 статей и заметок разного объема и достоинства в основном касающиеся военной составляющей его жизни. В них мало сведений о научной работе генерала и ученого. К тому же большинство из них опубликованы или в газетах, или изданиях, редакторы которых не предъявляли строгих требований к научно-справочному аппарату, поэтому мы не можем знать о том, какова репрезентативность использованных источников, что, естественно, снижает их ценность.

В свое время я написал статью о формировании исторического мировоззрения И. Д. Попко [7] и тогда мне казалось, что тема научного наследия в основном освещена. Но лет 15 назад, подыскивая

материал в ГАКК совсем по другой теме: о Полтавской общественной стачке 1871–1875 годов – я обратил внимание на очень интересный, с моей точки зрения, материал, находившийся не в выше указанном фонде, а в другом. Данный документ, посланный на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Н. Н. Кармалина 20 июня 1873 года, представляет собой отпуск, собственноручно написанный Иваном Диомидовичем. Он обнаружен нами в деле под номером 536 фонда 1 – Полтавского станичного правления ГАКК – и называется так: «Дело о выступлении жителей станицы Полтавской против выделения офицерских земельных участков из станичного юрта». Оно начато 16 мая и окончено 20 июля 1873 года. Всего в нем 78 листов с оборотами, интересующий нас документ довольно обширен и находится на 57–78 листах с оборотами.

Появление доклада связано с волнениями казаков, происходивших в Полтавской станице Темрюкского уезда еще с 1871 года. Движение полтавцев перешло в активную фазу весной 1873 года. Все попытки местного и окружного начальства путем переговоров, а затем введения войск и высылки полтавцев в Сибирь и в нагорные станицы не привели ни к каким результатам. Поэтому власти и решили обратиться за помощью к генерал-майору И. Д. Попко, проводившему в это время лагерный учебный сбор казаков около станицы Славянской и хорошо знавшим местные условия землевладения и землепользования.

Доклад показывает глубокое знание его автором тонкостей казачьих аграрных отношений и помогает исследователю разобраться в причинах полтавской общественной стачки.

Эти события И. Д. Попко стремился рассматривать беспристрастно и называл по-разному, то «смутой», то «беспорядками», «непослушным скопом», «стачкой закланной», то «глухим, сдержанным и чуждым (до времени, конечно) каких-либо волнений и даже колебаний, упорством». В непосредственной связи с этим документом находится рапорт № 17 на имя начальника штаба Кавказского военного округа Свистунова от 29 мая 1873 года, в котором И. Д. Попко отмечал, что «настоящее прискорбное явление в названной станице есть не что иное, как стачка, составленная если не с целью открытого восстания против существующего порядка вообще, то с резко определенным умыслом отрицательно противодействовать целую плотную массу частным распоряжениям начальства, не полюбившимся в таком или другом смысле станичному населению». Сами же волнения (смуту) непосредственный участник «умиротворения» полтавцев объяснял двумя причинами: не признанием действительности отвода земельного надела офицерам из станичного юрта и отказе в выделении 49-ти семейств для заселения новой станицы Ясенской. Конфликт между полтавцами и властью, по мнению Попко, зародился еще

в начале 1871 года. Тогда в результате межевания по Положению (от 23 апреля 1870 г.) об обеспечении генералов, штаб – и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность площадью от 200 до 1,5 тыс. дес. в пользу офицеров Кубанского казачьего войска были нарезаны земли, на которых располагались так называемые царины, уголья, находившиеся в их пользовании, и которые они по праву давности захвата считали своей собственностью. Обладатели царин продолжали удерживать свои участки за собой, не подчиняясь новому межеванию.

Пытаясь разобраться в причинах полтавских событий, исследователь особенностей казачьей жизни обращается к истории зарождения конфликта. Станица Полтавская, как и другие сельские поселения, с нетерпением ожидала дня, когда межевая комиссия формальным обмежеванием станичного юрта положит конец неопределенному и несправному состоянию земельных станичных долей. Много лет тому назад землемер Гуков ходил по предполагаемой станичной меже и делал провешку, объявляя, что это только предварительное соображение, межевка будет впереди. В 1869 году другой землемер Корж ходил также по будущей меже, в других уже направлениях, и объявлял то же самое. Наконец, в начале 1871 года межевая комиссия прислала станичному правлению бумагу, в которой извещала, что прибудет старший землемер Косякин межевать станичный юрт. Землемера Косякина станица ждала, как приятного гостя, но вместо него прибыл помощник землемера Черный с заявлением, что ему до межевания станичного юрта дела нет, а будет он отрезывать из юрта офицерские участки. Станице показалось неправильным отрезание офицерских участков из станичного юрта, когда еще самый юрт не был сформирован. Она отказалась дать помощнику землемера Черному депутатов и рабочих, да и самую миссию его не признала законною, потому что о ней не было никакой бумаги в станичном правлении. Тогда офицеры, которым подлежал отвод участков, предложили Черному свои услуги и дали от себя волов, а уездный начальник назначил рабочих из соседних станиц и нарезка участков совершилась без всякого участия рядовых жителей станицы Полтавской. Они сочли таковое действие произвольным. Потому что паны (офицеры) сами, как хотели, так и отрезали себе землю, и насильственным, потому что борозды офицерских участков прошли через царины (пахотные и другие хозяйственные займища) казаков. Не скоро после того прибыл землемер Косякин и обошел станичный юрт генеральной межей при бытности депутатов от станицы и вообще с соблюдением всех законных формальностей. В состав юрта, отмежеванного Косякиным, вошла и нарезка, сделанная Черным под офицерские участки. Это еще более утвердило жителей во мнении,

что межевое действие, совершенное землемерным помощником Черным без участия станицы, было произвольное. Так как в нарезках, произведенных Черным, жители имели свои царины, то и продолжали удерживать их за собою. Причем, после формально состоявшегося обмежевания станичного юрта, считая себя полноправными его хозяевами, начали широко применять в свою пользу Положение, высочайше утвержденное 13 мая 1870 года об общественном управлении в казачьих войсках и особенно 2-го пункта ст. 7-й, которыми ведению станичного схода предоставлено:

- распределение общественных поземельных дольств на участки и распоряжение теми землями, лесами и угодьями, какие останутся праздными за отводом для общественного пользования жителями;

- постановление о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел станичного общества.

К этому присоединялась еще чрезмерная трудность, с какою сопряжено передвижение полевых земельных дольств жителей из одной части юрта в другую, при господствовавшей в станицах бывшей Черномории системе царин.

Одним из ключевых моментов документа является сравнение землепользования в Черномории и в Донском войске. И. Д. Попко отмечает, что еще по Положению о бывшем Черноморском войске от 1 июля 1842 года для станиц этого войска был установлен порядок земельного пользования, преподанный в положении о Донском войске 1835 года, но жители этой части нынешнего Кубанского войска до настоящего времени ни одной черты из сказанного порядка себе не усвоили и даже понятия о нем не имели. Паевой порядок есть продукт великорусского общинного быта и заключается в том, что все пространство общественного земельного владения (юрта) распределялись на клинья: пахотный, сенокосный, выгонный, под огороды и т. п., а потом уже каждый клин делится на равномерные пай по числу пользователей. Главнейшие выгоды этого порядка заключались в том, во-первых, что достигается уравнительность в размере земельного пользования между всеми равноправными пользователями, во-вторых, что при черноземном составе почвы, при значительном скотоводстве и отсутствии удобрений, истощенная продолжительными распашками земля может скоро освежаться от выгона на нее скота и, в – третьих, всякие культурные улучшения и усовершенствования могут удобнее вводиться и распространяться между сельским населением, так как пахари работают все подряд и друг с друга могут брать пример.

Ничего подобного нельзя сказать про систему царин, которую практиковали бывшие черноморские казаки и, по сохранившимся преданиям, унаследовали от казаков малороссийских.

Важнейшим законодательным актом при оселении поземельных отношений в границах

бывшей Черномории является Жалованная грамота, данная Черноморскому казачьему войску 30 июня 1792 года императрицей Екатериной II за заслуги, проявленные в благополучно окончившейся Русско-турецкой войне 1787–1791 годов. Согласно этому акту императрица жаловала *всему войску* в «вечное владение» землю на Правобережной Кубани общей площадью около трех миллионов десятин. Формы землепользования казаков определялись «Порядком общей пользы», принятым войсковым правительством в январе 1794 года. В развитие идеи Екатерины Великой в нем подтверждался главный постулат о том, что вся земля являлась собственностью казачьего войска: каждый казак получал право свободной заимки такой площади, какую имел возможность обработать. На практике это означало, что только лица, обладавшие известным имуществом (рабочим скотом и инвентарем), позволявшим основать хозяйство, могли осуществить свое право на юртовые угодья, которые на первых порах к тому же не были четко размежеваны. Масса же бездомного казачества – «сиромы», числившаяся в курене, не была в состоянии воспользоваться преимуществами принадлежности к казачьему сословию. Параграф 19 «Порядка общей пользы» как раз утверждал право сильного: каждому предоставлялось освоить такие участки и угодья, размер и естественные свойства которых соответствовали его экономическим средствам. Заимочная форма землепользования, когда по выражению официальной газеты «Кубанские областные ведомости», каждый пахал землю там, где ему заблагорассудится и сколько осилит, господствовала на Кубани почти три четверти века.

Важно и то, что верхушка черноморского казачества (атаман З. А. Чепега, войсковой судья А. А. Головатый, войсковой писарь Т. Т. Котляревский и прочие старшины рангом ниже) позаботились о внесении в «Порядок общей пользы» привилегий лично для себя, что и зафиксировали в пункте 22 «Порядка общей пользы»: «В отменное воздаяние старшинам, яко вождям-наставникам и попечителям общих сего войска благ, при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей поселить дозволяется и определить им земли...».

В пункте 23 «Порядка общей пользы» идея старшинских привилегий получала дальнейшее развитие. Выдавая вышеописанным старшинам и казакам навечно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградными и рыболовными заводами владение открытые листы, войсковое правительство пыталось ввести частную собственность на земли, принадлежавшие всему войску.

«Порядок общей пользы» открыл пути для формирования сословных привилегий казачьей старшины и накопления их собственного личного богатства. Подчеркнем такой факт, что составление и проведение в жизнь такого основополагающего

документа было осуществлено в нарушение вековых традиций Запорожской Сечи: без созыва Войсковой Рады и без всякого участия в его обсуждении рядовых казаков.

Попко Иван Диомидович (28.08.1819, селение Тимашевское – 30.08.1893, Харьков), из семьи священника из казаков, генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска, предводитель дворянства Кубанской области и Ставропольской губернии, автор трудов по истории и этнографии Кубани и Терека, основатель первого этнографического музея на Северном Кавказе (Псекупского полка и его отделения в Ключевой полковой школе).

«Положение о Черноморском казачьем войске» 1842 года утвердило сословные порядки. Оно определило «меру поземельного довольствия» разных категорий казаков. Генералам полагалось 1500 дес., штаб- и обер-офицерам – соответственно 400 и 200 дес., а нижним чинам – по 30 дес. на душу.

Огромное количество пустующих земель находилось в явной несоразмерности с общим числом населения края. Оно наложило свой отпечаток не только на особенности землевладения и землепользования, но и на характер всей хозяйственной деятельности черноморцев. Наблюдался рост числа хуторов, что вело к поглощению общевойсковой земельной фонды. В этом же ряду стоит и царина, только приобретали ее не офицеры, а

простые казаки.

Система царин, исследованная И. Д. Попко, как раз и является ярким подтверждением захватного землевладения и землепользования. Она заключается в следующем: никакого распределения общественной земли на пахотную, сенокосную и т. п., как на Дону, в Черномории тогда не существовало. Каждый состоятельный хозяин, владелец усадьбы в станице, являлся таким же самостоятельным земельным хозяином и в поле, в станичном юрте. Эти-то обособленные полевые хозяйства в станичном юрте и назывались царинами.

Он отмечал, что систему царин бывшие черноморские казаки унаследовали от малороссийских или запорожских своих собратьев. Здесь, в Черномории, а затем в течение первого пореформенного десятилетия (до выхода в свет Положения от 23 апреля 1870 г.) каждый состоятельный хозяин, владелец усадьбы в станице, являлся таким же самостоятельным земельным хозяином и в поле, и в станичном юрте. Земельные хозяйства в поле располагались разрозненно и обособленно. Эти-то полевые хозяйства в станичном юрте, – констатировал Попко, – и назывались царинами. Царину составляли: пашня, баштан, огород и сенокос – все вместе. Нередко здесь выкапывали колодец, устраивали шалаш, кош и т. п. Но это, подчеркивал генерал-исследователь народной жизни, «не ферма и даже не хутор, потому что (на) хуторе есть усадьба, целиком перенесенная в поле, а ферма, кроме усадьбы, включает в себе еще другие заведения. Прочно устроенного жилища в царине не полагается, снятые хлеба и (скошенное) сено, по большей части, перевозятся в станицу, а скот ходит на общем пастбище или выгоне. Далее он отмечал, что определенной нормы для размера царин не существовало, при их распределении «распоряжалась предприимчивость и даже алчность». Для подтверждения своей мысли И. Д. Попко привел такой пример из истории станицы Полтавской, когда влиятельный старик Крыштопа (церковный староста, кстати, один из руководителей полтавской стачки, если не ее глава – Б. Т.) запахал несколько полос на значительном расстоянии одна от другой в виде городка, и объявил, что это его царина, с тех пор и стала царина за ним. Можно положительно сказать, продолжал Иван Диомидович, что и прочие царины имели такое же происхождение. «Более зажиточные, а потому и более влиятельные, станичники владели несколькими царинами в разных местах станичного юрта и назывались «зажирателями». Развивая свою мысль, казачий историк обрисовывает в связи с такими захватами земли положение беднейшей части станицы Полтавской. Он пишет, что когда бедный человек заявлял на станичном сходе, что он не имеет земельного довольствия, председательствующие на сходе зажиратели обыкновенно отвечали ему: а почему же ты не занимал (то есть не захватывал) себе царины?

Далее, смягчая свою позицию в отношении «зажирателей», он писал: «Царина, в лучшем смысле, есть наследственное поле, которое трудолюбивый человек оросил своим потом, которое очистил от терновника и обработал, и с которым поэтому сжился и сроднился». Вот первая причина, почему переделы общественной земли при царинном порядке далеко не так легки, как при паевом. Но трудность дела увеличивалась еще более от того, что, сгоняя царинников с части юрта, как, например, по отводу земельных наделов офицерам, приходилось потеснить всех остальных царинников.

В этом он видел причину, почему переделы общественной земли при системе царин вызывали такие общественные коллизии, одна из которых случилась в станице Полтавской.

Когда, согласно Положению от 23 апреля 1870 года о назначении генералам, офицерам и классным чиновникам Кубанского казачьего войска земельных наделов в потомственную собственность в юрте станицы Полтавской стали «нарезать» такие земли, то столкнулись с тем обстоятельством, что на местности, отводимой в надел офицерам, по единогласному свидетельству станичников, находилось не менее 150 житейских царин, и многие из них весьма давнего владения – от 30 до 50 лет. В 1871 году, отрезая земли в пользу офицеров, власти неизбежно должны были удалить царинников со своих мест и «не только потеснить все остальные царины, но просто произвести переворот в юртовой организации. Простые полтавчане усмотрели в этом «обыкновенный панский захват и на станичных сходах стали возникать волнения...», переросшие в общественную стачку. В ее основу была положена следующая идея: службу, повинности и вообще долг свой в отношении к ближайшим властям и высшему начальству («правительству») выполнять свято и ненарушимо; но относительно земельного станичного юрта, считать себя законоправными хозяевами.

В станице Полтавской в пользование офицеров было отведено 19 участков площадью 2640 дес. Тысяча десятин из них были распаханы царинниками, которые ни в коем случае не хотели их покидать. Важная деталь. В числе офицеров находились братья Крыжановские: подполковник Василий, сотник Яков, войсковые старшины Михайло и Трофим Крыжановские [8]. Вслед за ними в список претендентов попал генерал Федор Крыжановский, который вместе полковником Крыжановском (в источнике имя не указано – Б. Т.), видя такие протесты простых полтавчан, просили вместо причитавшихся им двух тыс. дес. земли в полтавском юрте выделить в соседней многоземельной станице Славянской почти в два раза больше (3922 дес.) [9].

Обращаем внимание на то, что протесты в станице Полтавской не были чем-то исключительным. Они вылились в такие формы благодаря давности владения казаками захваченными участками земли. Если же взять предгорные станицы

Адагумского полка, образованные после 1863 года, то и здесь они выразились через шесть лет (в октябре 1869 года) в нежелании таких станиц, как Благовещенская, Анапская, Гостагаевская, Варениковская, Крымская, Неберджаевская и Нижнебаканская выполнять циркулярное предписание командующего войсками Кубанской области от 18 декабря 1867 года за № 5896 о генеральном межевании и «пришли к тому убеждению, что от согласия их зависит дать офицерам землю или не дать, а если и дать... то самую неудобную» [10]. В станице Крымской, кроме того, возникли споры между казаками и отставными солдатами Российской армии относительно принадлежности сенокосных участков в нижнем течении реки Адагум [11].

Достоин внимания то обстоятельство, что и владельцы хуторов тоже не были довольны перераспределением земель. В доказательство этого факта приведем колоритную выдержку из воспоминаний известного кубанского общественного деятеля С. И. Эрастова (1856 – 1933). «Для меня, малыша, хутор на Понуре казался раем. И когда запрягали лошадей в наш тарантас-ковчег, собираясь на хутор, радости моей не было предела <...> было свободно и просторно. И надо было представить возмущение и гнев моей бабушки <...> когда при генеральном, наконец, размежевании большой кусок земли отрезали от нашего (хуторского) участка, и по ней прошелся чужой плуг. Бабушка не могла пережить такого надругательства, протестуя, села на борозде: «Режьте плугом меня! Не отдам мое!...» [12].

Весьма любопытно то, что бывший войсковой атаман М. А. Цакни, освещая причины полтавской общественной стачки, считал, что этому происшествию способствовали укрывательство всякого рода беглых и порочных людей, находивших себе приют летом в камышах и рыболовных заводах, а зимой в соседних станицах и хуторах; «и при наклонностях старого черноморского казачества, сохранившего предания запорожской вольницы», что «издавна поддерживали между жителями станицы Полтавской дух глухого безмолвного озлобления и противодействия всяким административным распоряжениям, направленным к улучшению существовавшего в войске порядка» [13]. Такие выводы мог сделать только человек, не знакомый ни с историей кубанского казачества, ни с порядками землевладения и землепользования у него. Впрочем, мы это уже отмечали на научно-практической конференции в ИМСИТе [14]. Попко же путем собственных наблюдений, изучения документов и бесед с рядовыми казаками выяснил, что до межевого действия, произведенного помощником землемера Черным весной 1871 года, станица Полтавская всегда была доброю станицею как в служебном, так и в нравственном отношении. Конокрадство – эта широкая язва степных станиц, – здесь никогда почти не проявлялось. Далее, станица, как ближайшая к Черноморской кордонной линии и жившая в военных тревогах,

давала отличных боевых людей для конной службы и отважных пластунов для пешей. Большое число старых и не совсем еще старых служаек, украшенных Георгиевскими крестами и другими знаками отличия, служат живыми свидетелями недавнего доблестного прошлого станицы.

Вывод казачьего генерала был обоснован всеми приведенными документами и заключался в том, что «вся смута в станице Полтавской встала из-за земельного вопроса и что «поэтому наилучший способ к прочному и бесследному умиротворению ее должен быть отыскан в сфере того же вопроса». Прибывающему для урегулирования земельного вопроса в станицу Полтавскую из Тифлиса полковнику Стебницкому, по мнению И. Д. Попко, «придется считаться с царинною системою».

Таким образом, приведенные документы показывают несомненный вклад И. Д. Попко в изучение особенностей землевладения и землепользования у кубанских казаков и их изменения, произошедшие в 60–70-х годах XIX века под влиянием законодательных актов российского правительства.

Литература и примечания

1. Костомаров Н. И. Разбор соч. г. Попки: «Черноморские казаки» // Тридцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 16 июня 1861 г. СПб., 1861. С. 131–142; *Он же*. Рец.: Черноморские казаки. Соч. Ив. Попки // Основа. 1861. № 8. С. 1–8; Рец. на «Черноморских казаков...» // Вестник императорского географического общества. СПб., 1859. Ч. 27. С. 56; Рец. на «Черноморских казаков» // Военный сборник. 1859. № 3. Отд. 2. С. 274–278.

2. Краснов Н. Рец. на книгу И. Д. Попко «Терские казаки со стародавних времен...» // Военный сборник (СПб.). 1881. Т. 137. № 1. Отд. 2. С. 1–19; Иконникова В. С. Отзыв на книгу И. Д. Попко «Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880» // Русская старина. 1881. № 7. С. 1.

3. Городецкий Б. М. Иван Диомидович Попко.

Биографический очерк // На Кавказе (Екатеринодар). 1909. № 3. С. 315–323; *Он же*. Кто и как изучал Кубанскую область // Известия ОЛИКО. Вып. 5. Екатеринодар, 1912. С. 16; *Он же*. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. Библиографические очерки. Екатеринодар, 1913. С. 29–36; То же: Кубанский сборник. Т. 18. Екатеринодар, 1913.

4. Фарфоровский С. В. Биографические сведения о [б] И. Д. Попко // Русский архив. М., 1910. Т. 6. С. 93–95; *Он же*. Литературная деятельность И. Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 2. С. 1–14.

5. Загорская В. Архив покойного генерала Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Ставрополь, 1910. С. 1–2.

6. Ставропольский краевой краеведческий музей им. Г. К. Праве. Ф. Прозрителева. Оп. 1. Д. 535. Папка 12. В 1991 г. эта статья была опубликована уже под названием: «Прозрителев Г. Н. Генерал Попко и судьба его архива» // Литературно-художественное приложение к ежемесячнику «45-я параллель». Ставропольская правда. 1991. № 1. (9). С. 3–6.

7. Трехбратов Б. А. Историческое мировоззрение И. Д. Попко // Кубань: Проблемы культуры информатизации. 1999. № 2–3 (13–14). С. 5–11.

8. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 842. Л. 66.

9. Там же. Л. 61, 160.

10. Там же. Д. 1134. Л. 1, 2, 3–3 об.

11. Там же. Л. 24–25 об.

12. Эрастов С. И. Воспоминания старого екатеринодарца // Родная Кубань. 1998. № 2. С. 129.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 978. Л. 78.

14. См.: Трехбратов Б. А. Полтавская общественная стачка 1873 года под разными углами зрения // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе: сб. материалов VII науч.-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 156–162.

B. A. TREHKBRA TOV. IT IS UNKNOWN ABOUT COMET KNOW: NEW FACTS ABOUT CREATIVE WORK BIOGRAPHY LIEUTENANT-GENERAL I. D. POPCKO

The author describes works about Cossacks' life by well known writer of Kuban Genesis I. D. Popko, explores new facts from the history of land tenure and land use in the South of Russia.

Key words: I. D. Popko, Cossack history, land ownership and land use in the Kuban region.

